

ДОРОГОСТАЙСКИЙ Д. В. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ДОРОГОСТАЙСКИЙ Виталий Чеславович, родился в 1879 в Тулуне Иркутской губ. (из потомственных дворян). Окончил Московский университет, биолог, доцент Московского университета, в 1918 — переведен профессором в Омский университет. В 1919 — при Колчаке исполнял обязанности директора департамента рыболовства и охоты, затем — преподаватель зоологии, профессор Восточно-Сибирского университета в Иркутске, доктор биологических наук¹.

ДОРОГОСТАЙСКИЙ Дмитрий Витальевич, родился в Москве (отец, Дорогостайский Виталий Чеславович, из потомственный дворян). Окончил гимназию в Москве, с 1921 — в Омске, с 1923 — работал в Ленском пароходстве, затем проживал в Ленинграде, работал на заводе "Красный Летчик". Окончил институт водного транспорта, преподавал и занимался научной работой в этом институте, работал также в системе морского кораблестроения Военно-морских сил. 8 марта 1935 — арестован, 1 апреля — освобожден и выслан в Куйбышев на 5 лет.

В сентябре 1936 — обратился за помощью к Е. П. Пешковой.

<11 сентября 1936>

«На В<аш> № 5634 от 7/IX

Уважаемая Екатерина Павловна

Получив Ваш ответ на мое обращение, я беру на себя смелость еще раз беспокоить Вас подробностями своего дела, поскольку Вы пишете, что я не указал когда, где и по какому делу был арестован и выслан.

Я был арестован в Ленинграде 8/III-1935 года, пробыл в заключении до 1/IV 1935 и освобожден с путевкой в г<ород> Куйбышев, куда и уехал 10/IV 1935 г<ода>. Арест был произведен, насколько я понимаю, на общих основаниях, в порядке имевшей место компании по очистке города от социально-чуждых элементов, однако, через два дня я был препровожден в распоряжение Морского Особого Отдела, где и пробыл до освобождения. Я затрудняюсь ответить, "по какому делу я был арестован". Ни на одном из допросов мне не было предъявлено какого-либо обвинения по определенной статье У<головного> К<одекса>. Беседы с сотрудником Особ<ого> Отдела, которому было поручено мое дело, велись на тему выяснения подробностей моего знакомства с рядом лиц, взаимоотношения с которыми, как я знаю, и пытался доказать, носили исключительно бытовой характер. В последней беседе, или, если хотите, в последнем допросе, мне было сказано, примерно так: "Мы не предъявляем Вам какого-либо обвинения, если бы мы могли его предъявить, то, вероятно, Вы должны были бы понести суровое наказание. Однако, судите сами — Вы, человек, выполняющий высоко ответственную работу, которому известны сведения, представляющие государственную тайну, позволяли себе на протяжении ряда лет вести знакомство с иностранными подданными, бывать у них и принимать их у себя, о чем не ставили нас в известность. Вы не могли не знать, что Вас могли пытаться использовать в определенном смысле. Учитывая, кроме того, Ваше социальное происхождение, мы не можем не смотреть на Вас с известного рода осторожностью. Дальнейшее Ваше задержание не представляется необходимым; мы дадим Вам возможность работать, но..."

¹ Алфавитный указатель жителей Москвы на 1917 год. ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1515. С. 57-60.

Приехав в Куйбышев, я был вызван через несколько дней в местное НКВД, и мне дали прочесть постановление Особого Совещания о высылке сроком на 5 лет с семьей в составе одного человека (жена). В этом постановлении не было указано статьи обвинения, причины высылки и т^ому> п^одобное>. Оно гласило так — выписка из протокола Ос^обого> Сове^сщ^ания> от 26/III 1935 — слушали: дело Дорогостайского Д. В., б^ывше^го> потомств^енного> дворянина, сына б^ывше^го> директора департамента у Колчака; постановили: как социально-опасного выслать... и т^ак> д^алее>.

Я понимаю, Екатерина Павловна, что рассказанное мною выше выглядит пока в достаточной степени не благоприятно для меня, поэтому я позволю себе рассказать обстоятельства моей жизни, имеющие отношение к моей высылке, — явившейся для меня разрушением научной и служебной деятельности и всей жизни.

Я родился в семье доцента Московского Университета. В 1918 году отец был переведен профессором Омского Ун^ивер^сите^та>, а я остался в Москве доканчивать 2-ой класс гимназии. Весной нас разделил фронт. Во время существования правительства Колчака отец в течение нескольких месяцев, по совместительству с профессурой, исполнял обязанности директора департамента рыболовства и охоты (он биолог по специальности). Я был в то время в Москве, работал и приехал к отцу лишь в 1921 году, после установления Сов^ет^ской> Власти. По сие время отец профессор Вост^очно->Сиб^ир^ского> Ун^ивер^сите^та>, доктор биологич^еских> наук, премированный легковой машиной, недавно назначенный директором Вост^очно->Сиб^ир^ского> Отдела будущей Всесоюзной С^ельско-> х^озяй^ственной> выставки. С 1923 года я работаю в Ленском Пароходстве, затем в Ленинграде на заводе "Красный Летчик", кончаю институт и начинаю научную и преподавательскую деятельность в Ин^ститу^те> Водного транспорта и системе Военно-Морских сил. В 1923 году я вступил в Комсомол, выбыл в 1928 году, перестав вести комс^омольскую> работу, увлекшись учебой и работой на заводе, — м^ожет> б^ыть>, одна из моих ошибок.

Мое знакомство с иностранными специалистами-американцами началось в 1930 году в доме отдыха. Я изучал английский язык, интересовался практикой, на протяжении нескольких лет встречался с американцами, работавшими в Ленинграде. Это было глупо и в результате привело меня в ссылку, разрушило жизнь. Мне было поставлено в вину, что я не поставил в известность свое начальство о моих знакомствах. Сознаюсь, я не думал о необходимости этого. Тем не менее, я ничего не скрывал, и как я понял во время пребывания в Особ^ом> Отделе, каждый мой шаг все равно был известен.

Зимой этого года отец был в Москве, говорил с Вышинским, тот выделил следователя, который просмотрел мое дело и имел затем беседу с отцом. Отец писал мне, что меня ни в чем конкретном не обвиняют, если бы <обвиняли>, то послали бы подальше. В Ленинград пустить еще не могут, Куйбышев хороший город, пусть поработает и т^ак> д^алее>.

Я посылал несколько мотивированных заявлений в Прокуратуру Союза, копию одного из них Вам посылаю. Два раза мне было отказано в пересмотре дела "за недостаточностью оснований".

Я писал т^оварищу> Калинину, писал на имя друга всей Трудящейся Молодежи т^оварищу> Сталина — никакого результата.

Поэтому я вижу единственную надежду в обращении к руководителю НКВД с просьбой, если можно так выразиться, о помиловании. Мотивировать, я считаю, здесь нечего. Все мои беседы со следователем записаны в деле, ничего нового я не могу доказать.

Я был научным работником, сыном своей Родины, меня ценили, поручали большие дела...

Пусть я ошибался в выборе своих знакомых, еще в чем-нибудь — я чувствую только, что ни в чем не виноват перед Родиной, поэтому я прошу Вас оказать мне помощь, хотя бы в том, чтобы мое обращение было рассмотрено Народным Комиссаром.

Мое заявление на имя т<оварища> Ягоды находится у Вас. Если оно, по Вашему мнению, чем-либо не удовлетворительно, укажите мне, я его заменю.

Инж<енер> Дорогостайский.

11/IX-36 г<ода>»².

К письму Е. П. Пешковой было приложено заявление на имя Ягоды.

«Народному Комиссару Внутренних Дел
Генеральному Комиссару Госбезопасности
т<оварищу> Ягода

Инженера Дорогостайского Д. В.
адм<инистративно> высланного
Постановлением Особого Сопсовещания
от 26 марта 1935 года из гор<ода>
Ленинграда в гор<од> Куйбышев

Заявление

В течение полутора лет я нахожусь в ссылке в гор<оде> Куйбышеве, лишенный возможности продолжать работу по своей специальности, как научный работник, преподаватель Втуза.

Моя специальность (морское кораблестроение) связана с рядом находящихся в Ленинграде Научно-Исследовательских и Учебных Институтов, в которых я сотрудничал. Лишенный их, я бессмысленно теряю квалификацию, существуя случайными работами, в которых мои знания и способности не могут быть использованы сколь-нибудь целесообразно.

Мне 31 год. Каково бы ни было мое социальное происхождение — мой отец сейчас заслуженный профессор, пользующийся большим доверием Советской Власти. Каковы бы ни были мои личные ошибки — я хотел бы надеяться, что полтора года ссылки искупили их. Находясь в ссылке, я пытаюсь, насколько это возможно, оставаться полезным членом общества. Несколько месяцев я строил Водную Станцию в Особстрое НКВД, сейчас опять будущее не определено.

Я прошу Вас! Верните мне возможность отдавать все свои знания, способности, опыт и силы Родине в той области, которой я посвятил свою жизнь.

Дорогостайский.

Куйбышев, Садовая 47, кв. 1»³.

Осенью 1936 и весной 1937 — Дмитрий Витальевич, продолжая находиться в Куйбышеве, вновь просил помощи Помполита⁴.

26 августа 1937 — Виталий Чеславович Дорогостайский был арестован в Иркутске по групповому делу, обвинялся в «измене

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1515. С. 57-60. Автограф.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1515. С. 64. Автограф.

⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1: Д. 1535. С. 21-22, 55-64; Д. 1570. С. 112-115.

Родине». 5 сентября 1938 — приговорен к ВМН и 27 ноября расстрелян в Иркутской тюрьме⁵.

---

⁵ «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М. «Звенья», изд. 4-е, 2007.